

Пути перехода к социалистической власти в европейских странах народной демократии

ЙИРЖИ ХОУШКА

Наиболее важным непосредственным последствием второй мировой войны являются революционные структуральные общественные изменения, которые произошли в ряде европейских и азиатских стран и которые в своей совокупности существенным образом изменили существовавшее до тех пор соотношение сил в мире в пользу социализма. В современную историю они вошли под названием народно-демократической революции.

I. Существенные черты народно-демократических революций

1. Национально-освободительная борьба и ее завершение революцией

В странах, которые в период второй мировой войны были подвластны чуждому фашистскому империализму, на передний план в то время выступило их внешнее противоречие с этим чуждым господством. Это внешнее противоречие притом тесно переплеталось с внутренними противоречиями в этих странах, так как оккупанты проникли непосредственно в социальную структуру и становились ее господствующим элементом. В период оккупации обострилось помимо этого прежде всего противоречие между домашними предателями, рекрутируемыми, главным образом, из рядов крупной буржуазии и помещиков, и остальными слоями поработанных народов. Главным и практически наиболее сильным в оккупированных странах было, таким образом, противоречие между фашистскими оккупантами, крупной буржуазией и помещиками, с одной стороны, и остальными классами и слоями соответствующих наций, с другой стороны. Адекватным методом его решения могла стать только национально-освободительная революция, завершающая национально-освободительную борьбу социальных групп, готовых бороться против оккупантов. Именно в этом и заключалась суть стратегии и тактики национального фронта, которые начали развивать в период оккупации все коммунистические партии.

Таким образом, общедемократическое требование государственной и национальной самостоятельности и суверенитета позволило создавать боевую формацию на значительно более широкой социальной основе, чем это имело место в демократических революциях прошлого. Например, в царской России либеральная буржуазия — так как она могла удовлетвориться компромиссом с царизмом — переходила, как известно, на сторону контрреволюции и поэтому не могла в целом стать союзником революционного пролетариата. Таким союзником было прежде всего крестьянство. Однако в оккупированных странах внутри буржуазии происходит дифференциация, и так называемая национальная или демократическая, а, главным образом, средняя буржуазия большей частью присоединяется к сопротивлению и борьбе против оккупантов. В некоторых странах можно было при определенных условиях расширить союз классов, объединенных в национальном фронте, еще в большей мере. Например, в Китае, на этапе борьбы против японских агрессоров, в национальный фронт включилась и часть «патриотически настроенных» феодалов. Подобные явления наблюдались и в ходе антиимпериалистической, национально-освободительной борьбы против французских колонизаторов во Вьетнаме.

Политика национального единства, проводимая коммунистическими партиями оккупированных стран, конечно, отнюдь не означала отступления от классовой политики пролетариата. Наоборот, это была единственная перспективная классовая ориентация в данных условиях, ибо завоевание государственного и национального суверенитета было первой предпосылкой и необходимым шагом к тому, чтобы можно было продвинуться дальше в направлении социализма. Рабочий класс должен был тогда учитывать и следить за двумя разнородными социальными движениями: национально-освободительной борьбой общенационального характера против фашистского империализма и революционной классовой борьбой за свое собственное освобождение против буржуазии. Успешная борьба в первой области была основным условием успеха во второй области. Классовый характер национально-освободительной борьбы вытекает из ее направленности против империализма и фашизма и отчетливо проявляется в борьбе между рабочим классом и буржуазией за гегемонию, в сдвигах в соотношении сил. Несмотря на то, что национальное освобождение следует понимать как элементарное условие, успеха в борьбе за социальное освобождение рабочего класса и всех трудящихся, мы должны иметь в виду и обратную обусловленность, то есть то, что нельзя добиться полного, действительно национального освобождения, если одновременно не вести борьбу за освобождение социальное.

Ясно, что не каждая социальная группа, с которой рабочий класс в оккупированных странах объединялся в борьбе против оккупантов, была его одинаково важным и прочным союзником. Его наиболее важным и прочным союзником везде были многочисленные массы бедного и среднего крестьянства. Этот прочный боевой союз поэтому везде стал стержнем антиимпериалистического и антифашистского движения. Группа

«национальной демократической» буржуазии, которая также была заинтересована в поражении внешней и внутренней монополистической буржуазии и крупных помещиков, все же в качестве союзника рабочего класса колеблется, боится движения трудящихся и осуществления их собственных классовых интересов. Там, где во главе национально-освободительной борьбы прочно стоял рабочий класс, регрессивные тенденции этих групп, равно как и остальных эксплуататорских группировок, примкнувших к борьбе против оккупантов, были действительно парализованы.

Для того, чтобы национально-освободительная война переросла в социальную революцию, необходимо было наличие двух элементарных условий. Во-первых, чтобы своевременно созрели субъективные условия революционного переворота, и, во-вторых, чтобы революционные действия масс могли свободно развертываться и не подавлялись внешним вмешательством. Такие условия существовали не во всех оккупированных странах. В одних странах, как например, в Финляндии, отсутствовало первое условие, в других странах — например, в Италии, — отсутствовало второе условие, и, наконец, в некоторых странах, как например, в Дании — адекватные условия вообще отсутствовали. Поэтому во всех этих странах разрешилось только их основное внешнее противоречие, социальная же революция не произошла.

Условия для соединения национально-освободительной борьбы с революцией создались в целом ряде стран Центральной и юго-восточной Европы и Азии, где непосредственно проявилось освободительное влияние Советской Армии. Освободительная миссия Советской Армии и ее приход на территорию европейских народов, поработанных фашизмом, стали факторами, которые не только предотвратили гражданскую войну — которую с помощью интервенции западных империалистов пытались развязать бывшие господствующие эксплуататорские классы этих стран — но вместе с тем создали для трудящихся масс освобожденных стран исключительно благоприятные условия для того, чтобы они могли, с минимальными жертвами, покончить как с гнетом оккупантского империализма, так и с его домашними прислужниками. Советский Союз оказал кроме этого европейским и азиатским народам огромную политическую, моральную и материальную поддержку и помощь.¹

Непосредственные результаты национально-освободительной революции в странах народной демократии следующие: в области политической — 1. ликвидирует политическую власть фашистских оккупантов и внутренней крупной буржуазии и крупных помещиков и утверждает власть рабочего класса и его союзников из этапа национально-освободительной революции; 2. наносит сокрушающий удар офашизированному государственному аппарату и разбивает — хотя и не везде сразу и полностью — весь старый эксплуататорский государственный аппарат. Осуществляется глубокая демократизация политического механизма, состоящая, главным образом, в нарушении бюрократической системы, создается система представительных революционных органов народа (конечно, в некоторых странах при одновременном использовании ряда

старых государственных учреждений, которые нельзя было сразу же ликвидировать), и государственный аппарат очищается от предателей и коллаборационистов, и в управлении государством начинают принимать участие трудящиеся массы. В сравнении с Октябрьской революцией, которая разбила старый аппарат, так сказать, одним ударом, национальная и демократическая революция в ряде стран нарушает его хотя и существенно, но не полностью. Постепенное разбиение старого государственного аппарата именно и есть выражение демократического характера революции, выражение ее перерастания в революцию социалистическую. Эта революция вместе с тем ведет к очищению всей общественной жизни от фашизма, к установлению или возобновлению демократических прав и свобод. В общем и целом, она еще не направлена на ликвидацию капиталистических производственных отношений, но она вместе с тем не усиливает буржуазию как класс, а наоборот, существенным образом ослабляет как в политическом, так и в экономическом плане. Дело в том, что демократические задачи этой революции можно было осуществить только подрывом экономических основ фашизма, то есть подрывом экономических позиций крупной буржуазии и крупных помещиков. В области промышленного производства ее непосредственным результатом является, например, конфискация имущества предателей и коллаборационистов, введение демократического контроля на конфискованных предприятиях, рабочий контроль и т. п. В области сельскохозяйственного производства — осуществление земельной реформы, демократическим содержанием которой является передача конфискованной земли безземельным и трудящимся крестьянам.

Характерной чертой аграрной революции в странах народной демократии, где производственные отношения в сельском хозяйстве уже были по своей сути капиталистическими отношениями, явилась ее антикапиталистическая направленность. Не трудно понять, что последовательное решение аграрного вопроса должно было существенно подорвать позицию финансового капитала, который везде тесно переплетается с капиталом аграрным. А так как крестьянство было объектом гнета и подавления также и со стороны немецкого империализма, то аграрная революция с необходимостью была направлена и против него.

2. Характеристика народно-демократической революции как формы перехода к социалистической революции

К современным демократическим революциям, возглавляемым пролетариатом, очевидно нельзя механически применять положения, постигшие специфику буржуазных революций предшествовавшей эпохи, осуществлявшихся в иной исторической ситуации, при совершенно иных внутренних и внешних условиях. Но постичь их характер нельзя ни с помощью положений, выражающих суть таких политических переворотов, каким была социалистическая революция в России.

Недавно появились мнения о том, что демократическая революция, осуществляющаяся в развитой капиталистической стране, является в

своей сущности социалистической потому, что во главе этой революции как гегемон выступает пролетариат. Факт, что гегемоном в демократической революции (а следовательно, и в революциях и в ряде стран народной демократии) является пролетариат, имеет исключительно большое значение, а для всего дальнейшего развития революции имеет прямо-таки решающее значение. Но из этого отнюдь не вытекает, что народно-демократическая революция имела социалистический характер. Ведь исторический опыт показывает, что гегемония пролетариата возможна не только на основе социалистических, но и на основе общедемократических задач.

Аналогично обстоит дело и в отношении боевых средств, которые характеризуют народно-демократическую революцию. Правда, марксистско-ленинские партии многих поработенных стран в период второй мировой войны, ставшие инициаторами всенародной борьбы против фашистских поработителей, придали — такими средствами революционной классовой борьбы как стачки, генеральные забастовки, демонстрации, вооруженная партизанская борьба и вооруженное восстание трудящихся — национально-освободительному движению и народно-демократической революции в значительной степени пролетарский характер. Но это, конечно, не означает, что они — народно-демократические революции — придали характер революции социалистической. Ведь в таком случае, например, уже революция 1905—1907 г.г. в России должна была бы быть революцией социалистической, ибо по словам, Ленина она была пролетарской по своим средствам борьбы.

И, наконец, даже решающий критерий, по которому определяется характер революции, то есть задачи, которые революция решает как свои главные исторические задачи, не говорит — за исключением, может быть, Болгарии — в пользу концепции народно-демократической революции как революции социалистической. Направленность народно-демократической революции против главных устоев капитала или ее антикапиталистическая направленность не дает нам права характеризовать ее как революцию социалистическую, если буржуазия, хотя бы и частично, остается у власти. Не всякое антикапиталистическое преобразование должно и может быть характеризовано как социалистическое. Осуществившийся революционный скачок может быть в своей совокупности назван социалистическим лишь в том случае, если он переходит в утверждение и установление диктатуры пролетариата, ибо только она создает необходимые условия для строительства социализма.

Следовательно, какова народно-демократическая революция, если она не является социалистической революцией? С первого взгляда ясно, что народно-демократические революции существенно отличаются от классических буржуазных революций, целью которых было усиление капитализма в местном и мировом масштабах. Уже этапы буржуазно-демократической революции в России, проходившей до всеобщего кризиса капитализма, несомненно показывали, что наступила эра демократических революций, которые выходят за рамки буржуазных революций в первоначальном собственном смысле этого слова.

Помимо существенно иной констелляции движущих сил, они не характеризовались однозначным усилением позиций мирового капитализма. В той мере, в какой развивалась и усиливалась революционная борьба пролетариата против буржуазии и нарушалась в то время еще прочная цепь мирового империализма, они фактически уже тогда становились косвенным резервом мировой пролетарской революции. Тем не менее этапы буржуазно-демократической революции в России, в масштабе собственной страны, не переходили еще непосредственно за рамки буржуазного, то есть капиталистического общественно-экономического строя.

В период общего кризиса капитализма, когда мировая пролетарская революция стала действительностью, демократические революции, руководимые пролетариатом, удаляются от предшествующих «обычных» буржуазных революций не только тем, что они становятся прямой составной частью мировой пролетарской революции, но вместе с тем и тем, что в масштабе собственной страны подрывают структуру буржуазного строя; это происходит прежде всего в результате классовых сдвигов в области политической власти.

Народно-демократическая революция, осуществляющаяся под знаменем борьбы за демократические, а не социалистические задачи — независимо от того, разрешает ли она антиимпериалистические, антифашистские и антифеодальные или иные демократические задачи — приводит, как мы уже показывали, логикой объективного развития власти те социальные группы, которые составляют ее движущие силы. Конкретный способ такого соучастия различных социальных групп в политической власти, или же конкретная форма социального явления, о котором можно говорить как о случае институционального «двоевластия», естественно, в конечном счете зависит от взаимных политических отношений между этими социальными группами, от их веса и значения в данной революционной ситуации и особенно от уровня их организованности, идейной и политической развитости и подготовленности.

Революционная власть, возникающая как орган победившей народно-демократической революции, несомненно сходна с революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства, которую В. И. Ленин характеризовал уже в 1905-ом году на этапе буржуазно-демократической революции. Но вместе с тем, она не есть ее точная копия. Опыт стран народной демократии показал, что округ социальных группировок, участвующих в политической власти в ходе демократической революции, значительно шире, чем в предполагаемой революционной власти в России. Наряду с пролетариатом и крестьянством эффективную политическую роль здесь, как правило, играет городская мелкая буржуазия и группы «национальной, демократической» буржуазии. Это обусловлено тем, что объем демократических задач увеличился, что демократизм революции далеко уже не основывается лишь на борьбе против пережитков и остатков феодализма, что главным содержанием

демократической революции может даже и не быть аграрная революция а например, борьба против империализма, монополий, фашизма и т. п.

В марксистской литературе для обозначения революционной власти современной демократической революции вошел в обиход термин революционно-демократическая диктатура народа. Понятие демократическая диктатура народа в научном смысле совершенно точно, но в каждом случае оно предполагает конкретный анализ того, кто и какие классы и слои составляют народ в данный момент. Ясно, что диктатура народа в странах народной демократии содержит в себе уже в момент своего возникновения элементы диктатуры пролетариата, что она обладает такими свойствами и характеризуется такими чертами, которые несовместимы с надстройкой буржуазного строя. Направленность диктатуры народа против буржуазного строя выступает, однако, практически на передний план тем в большей мере, чем последовательнее решает демократическая революция свои задачи, чем больше она приближается к революции социалистической.²

Революционно-демократическая воля народа, не являющаяся ни социалистической, ни буржуазной властью, не представляет собой некую стабилизированную форму, находящуюся между этими двумя историческими типами власти. Диктатура народа есть по своей сути власть нестабильная, конечный классовый характер которой зависит от конечных результатов революции. О том, что народно-демократическая революция не остается в области власти и политики на базе буржуазного строя, свидетельствуют изменения и преобразования, происходящие в государственном аппарате.

Эта революция разбивает старый, эксплуататорский государственный аппарат и заменяет его новым, народным государственным аппаратом. Возникают центральные органы государственной власти и управления, в которых в известной форме начинает проявляться ведущая общественная позиция революционных партий рабочего класса. Осуществляются существенные структуральные изменения государственного аппарата прежде всего в том смысле, что в процессе революции создается целая сеть новых органов государственной власти и управления («национальные комитеты», «народные комитеты» и т. д.), которые заменяют старый эксплуататорский аппарат на местах и в областях и которые принимают широчайшее участие в осуществлении задач демократической революции (восстановление демократических прав и свобод, конфискация имущества контрреволюционеров, предателей и коллаборационистов, установление народного контроля над промышленными и другими предприятиями, передача земли безземельным и трудящимся крестьянам и т. д.). Старый государственный аппарат преобразуется и в результате того, что старые организационные формы наполняются новым содержанием благодаря смене кадров, вводятся новые методы работы и т. д.

Однако то, что демократическая революция начинает процесс разбиения старого, эксплуататорского государственного аппарата, что начинает создаваться новый государственный механизм типа советов —

все это само по себе еще не доказывает, что эта революция по своей сути является революцией социалистической. Социалистический или не-социалистический характер осуществленной революции зависит исключительно от политических условий, от того, имеет ли или не имеет пролетариат всю власть в своих руках. Этот факт, конечно, сам по себе несомненно показывает на то, что победившая народно-демократическая революция содержит в себе важнейшие элементы социалистической революции. Характерной чертой демократической революции в странах народной демократии в ее отношении к старому государственному аппарату является его разбиение с помощью и на основе использования национальных и демократических, антиимпериалистических и антифашистских мер.

Побеждающая народно-демократическая революция подрывает устои капитализма не только в политической сфере, но и в экономической области. Она, правда, не ведет еще лобовую атаку против капитализма, как такового, и она еще не направлена против буржуазии как класса. Мы уже отметили, что для того, чтобы эта революция смогла последовательно решить свои задачи, она должна подорвать корни позиций империализма и фашизма в экономике, и прежде всего позиции финансовой олигархии, крупной буржуазии и помещиков. Эти меры, осуществляемые рано или поздно в отдельных странах, например, в форме введения народного контроля, форме национализации, управления и планирования процессов в народном хозяйстве и т. д., хотя и направлены только против «передних» позиций капитала, с неизбежностью чувствительно подрывают общие экономические позиции буржуазии как класса. Поэтому подобные меры, поскольку они предпринимаются в условиях революционно-демократической диктатуры народа, а не в условиях диктатуры пролетариата, не носят еще социалистический характер. Но они подрывают экономическую базу буржуазии и относятся, к важнейшим элементам социалистической революции.

О какой социальной революции в народно-демократической революции можно говорить, если в ней отсутствуют как черты буржуазной, так и черты социалистической революции в собственном смысле. Прежде всего — чтобы заранее предупредить все излишние недоразумения — напомним, что задачу сформулирования теоретического вывода относительно характера народно-демократической революции мы не понимаем в том смысле, что эту революцию следует попросту подвести под понятие какого-то основного типа социальной революции. Говорить об основном историческом типе социальной революции теоретически можно лишь в связи с общим процессом перехода от одной формации к другой, только в смысле всей эпохи социальной революции в определенной стране, а если речь идет о процессе всемирного значения, то тогда собственно и в смысле эпохи соответствующей мировой революции. Если это так и если установление основного исторического типа в этом смысле адекватно лишь процессу общего революционного скачка, то тогда было бы необоснованным выдвигать задачу «типологизации» народно-демократических революций, которые являются только опре-

деленными этапами определенных общих революционных процессов или эпох. Постичь ее характер — это значит только определить их социально-экономические и политико-классовые специфические черты в данной стране, то, в каких специфических формах и каким специфическим образом та или иная народно-демократическая революция вляется в данный революционный комплекс, как конкретно она способствует решению основного противоречия всей данной революционной эпохи.

Если в общем и целом имеет силу положение о том, что нет таких социальных революций, которые были бы «чистыми», без примеси чужеродных моментов и черт, то это вдвойне имеет силу в отношении народно-демократической революции. Эти революции несомненно имеют черты, которые уподобляют ее эпохе буржуазных революций. К ним относится целый комплекс демократических мер в области общественной, политической, культурной и экономической жизни (политическая свобода, равенство граждан, свобода вероисповедания, равноправие женщин и мужчин, национальный и государственный суверенитет, ликвидация пережитков феодализма в экономике и т. п.), о которых в целом можно сказать, что они с капитализмом совместимы как в экономическом, так и в политическом плане, то есть являются исторически буржуазного характера, несмотря на то, что сама буржуазия никогда не была заинтересована в их всестороннем осуществлении и даже выступала против них. Этот исторически буржуазный характер демократических задач народно-демократической революции со всей наглядностью выступает особенно тогда, когда ее первоочередной и важнейшей задачей является осуществление антифеодальной аграрной революции. Кое-кто, может быть, возразит, ссылаясь на руководящую роль пролетариата в революции, что здесь речь идет лишь о буржуазной форме социалистического содержания. Однако возражение такого рода лишено основания, так как руководящая роль пролетариата в народно-демократической революции основана не на том, что пролетариат преследует социалистические цели, а на том, что он проявился как наиболее надежная сила в борьбе против реакции (империализма, фашизма, феодализма). Пролетариат в народно-демократической революции не провозглашает и не ведет еще прямую борьбу против всей буржуазии как класса, а это значит, что в данный момент он не функционирует еще объективно как сила, непосредственно осуществляющая социалистические задачи. Это невозможно до тех пор, пока массы на основе собственного опыта не созреют в такой мере, чтобы поддерживать пролетариат в его борьбе с буржуазией как классом.

Однако, народно-демократическая революция характеризуется также важнейшими чертами, которые связывают ее с эпохой социалистической революции. К ним относится, главным образом, гегемония пролетариата в революции, в государственных органах, разбиение старого эксплуататорского государственного аппарата, национализация крупных промышленных предприятий, банков и т. д. Если эта революция имеет существенные черты эпохи буржуазной и

эпохи социалистической революции, то тогда это означает, что она не является исключительным этапом ни эпоху буржуазной, ни эпоху социалистической революции в данной стране, а представляет собой революционный процесс, находящийся на грани этих двух эпох.

При этом нужно иметь в виду следующее:

1. Исходными моментами народно-демократической революции, имеющими решающее политическое значение, являются моменты, относящиеся к эпохе буржуазной революции, так как позволяют привести массы в движение. Если бы революционная партия пролетариата не учитывала эти моменты, то революция не могла бы развернуться.

2. В народно-демократических революциях с отчетливо антифеодальным содержанием «буржуазно» демократические меры надстроечного характера имеют еще буржуазный социально-экономический контентный эквивалент. Народно-демократические революции антифеодального характера имеют объективно буржуазные контентные черты, ибо они представляют собой скачок вперед от условий, когда развитие капитализма наталкивалось на препятствия, к условиям, когда препятствия этого развития, ставимые реакционными классами, были устранены и преодолены.

Этот переход означал в социально-экономическом развитии соответствующих стран значительный прогрессивный скачок вперед. Капитализм пробил себе дорогу, и непосредственно открылись возможности для дальнейшего развития. Однако в народно-демократических революциях антифеодальной направленности это их объективно буржуазное содержание составляло лишь одну сторону ее общего содержания, ибо эти революции одновременно прокладывали путь и к социализму. В условиях существования социалистической державы — Советского Союза — возможности размаха капитализма, связанные с современной демократической революцией, уже не превращаются в действительность, и даже отсталые, полуфеодальные страны вступают на путь развития непосредственно к социализму.

С учетом буржуазного социально-экономического эквивалента демократических мер можно — несмотря на некоторую смысловую неточность — назвать народно-демократические революции с отчетливой антифеодальной направленностью этапами буржуазнодемократической революции нового типа.

3. Народно-демократические революции, в которых антифеодальные моменты уже не имеют сколько-нибудь особого значения и в которых надстроечные демократические меры остаются без соответствующего буржуазного социально-экономического эквивалента, уже не имеют буржуазный характер. Они имеют лишь формально аналогичные буржуазные черты. У подобных революций на передний план отчетливо выступают черты, сущностью которых является именно антимонополистический, антикапиталистический характер. Это означает, что удаленность, отчужденность «буржуазно»-демократических черт этих революций от черт, типичных для буржуазной революции в истинном смысле слова, достигает такой степени, что как с точки зрения сугубо

научной и теоретической, так и с точки зрения потребностей практического революционного движения, почти теряет смысл применять обозначение буржуазная.

4. Однако народно-демократическая революция сама по себе не является революцией социалистической, то есть не имеет еще общего социалистического качества даже и в развитых капиталистических странах. Тем не менее, своими многочисленными социалистическими чертами она открывает путь к социалистической революции и в этом смысле является ее началом, начальным этапом.

Следовательно, народно-демократическая революция не является завершенной социальной революцией, а только ее переходной стадией, первым этапом целостного революционного процесса, ведущего к социализму. Закономерностью ее развития является ее перерастание в революцию социалистическую.

Прежде чем перейти к характеристике сущности процесса перерастания народно-демократической революции в революцию социалистическую, прежде чем обратить внимание на то, что является ее будущим, необходимо высказать еще одно замечание относительно этапов развития, которые могут предшествовать ее победе и подготавливать ее, то есть на то, что может быть ее прошлым.

Мы имеем в виду то важнейшее обстоятельство, что подрыв буржуазного строя или существующих эксплуататорских порядков вообще, осуществляемый этой революцией и олицетворяемый в сфере политической власти революционной демократической диктатурой народа, может произойти не «сразу», а лишь постепенно. Диктатура народа связана с победоносной демократической революцией, но не обязательно с каждым ее начальным шагом. В истории известны первоначальные стадии демократической революции, с которыми связаны самые различные предварительные степени диктатуры народа, на которые в целом от диктатуры народа отличаются, главным образом, тем, что эта власть еще не способна решить все основные демократические задачи, стоящие в данной стране перед революционными классами.

Таким типом диктатуры народа было, например, вуганское правительство в Китае в период 1926—1927 гг. В этот период в Китае происходила демократическая революция, но она еще не подошла к революции аграрной и находилась лишь на уровне борьбы против империализма. Установление вуганского правительства как революционной власти явилось результатом борьбы за свержение империалистического ига. Пролетариат принимал лишь частичное участие в этой власти. Два представителя коммунистической партии, входящие в это правительство, использовали свои правительственные позиции для того, чтобы парализовать колебания национальной буржуазии при решении антиимпериалистических задач и способствовали созданию условий для перехода революции в следующий этап, в этап аграрной революции.

Переходной ступенью революционно-демократической диктатуры народа были также правительства, создавшиеся в конце второй мировой войны в некоторых западных капиталистических странах. Так нап-

пример, в соответствии со своей стратегической ориентацией на создание широкого антигитлеровского, антифашистского национального фронта и правительства этого фронта в Италии, апреле 1944 года, в правительство «национального единства» вступила Коммунистическая партия Италии. В этот период и речи не могло быть о завоевании диктатуры пролетариата; в стороне оставались и многие принципиальные вопросы демократического характера, как например, аграрная революция, свержение монархии и т. д. Коренной демократической задачей тогдашнего времени была задача борьбы за освобождение Италии и ликвидация остатков фашизма. Антифашистские правительства с участием коммунистов были созданы и в других странах: во Франции, Бельгии, Голландии, Финляндии и Чили. Все эти правительства, возникшие в период революционной ситуации в конце второй мировой войны, не представляли уже собой обычные, нормальные органы буржуазной диктатуры. Буржуазия была вынуждена идти на уступки известные и реализовать требования народа. Коммунистам, представленным в демократических правительствах этих стран, удалось благодаря комбинированию нажима «снизу» и «сверху» осуществить целый ряд прогрессивных, демократических требований. Например, в Италии была упразднена монархия и провозглашена новая демократическая конституция, содержащая даже параграф о праве всех граждан на труд, были приняты аграрные законы, по которым не обрабатываемая помещичья земля должна была перейти к безземельным крестьянам и трудящимся, и которые устанавливали более благоприятные условия натуральной аренды и т. д. Во Франции осуществляется национализация некоторых промышленных отраслей.

Эти правительства не были уже обычными органами диктатуры буржуазии и в силу того, что они явились результатом и следствием революционной ситуации, они несомненно имели известные революционные черты, а поэтому их можно назвать революционными правительствами. Однако несмотря на это руководящая роль и решающие позиции в них оставались за буржуазией. Это и объясняет, почему развитие в этих странах не пошло по пути, на который вступили страны народной демократии.

Но и при возникновении народной демократии в конце второй мировой войны мы можем наблюдать установление переходных ступеней революционно-демократической диктатуры народа. Так, например, в Румынии первым шагом народно-демократической революции явилось свержение фашистской диктатуры Антонеску со стороны патристических сил под руководством коммунистической партии в августе 1944 года. Освобождением Румынии Советской Армией и победившим августовским восстанием была в сущности разрешена задача свержения нацистского правительства и фашистской диктатуры. Тем не менее, задачи национальной и демократической революции далеко еще не были решены. Правительства генералов Сатанеску и Радеску, действующие в это время в стране, являлись все еще правительствами реакционного большинства, пытающегося подчинить Румынию западным

империалистам и воспрепятствовать устранению феодальных пережитков и проведению последовательно демократизации страны. Новая официальная государственная власть, хотя и явилась продуктом революции, была по своей классовой сущности в начале все еще в принципе диктатурой буржуазии. Соучастие пролетариата и остальных демократических сил в этой власти было скорее формальным, чем фактическим. Но несмотря на это политические позиции реакционных сил были весьма непрочны, так как в стране непрерывно нарастала революционная волна, что было обусловлено фактом присутствия Советской Армии. В этих условиях позиции реакции непрерывно ухудшались, и в конце концов активные выступления революционных сил смели с лица земли и правительство Радеску. Только новое правительство Петра Грозу (6. III. 1945 г.) явилось органом демократической диктатуры народа.

Проблематика первоначальных этапов процесса демократизации революции, проблематика революционных предварительных ступеней демократической диктатуры народа выступает на передний план в полной мере особенно после второй мировой войны и, главным образом, в последние годы, когда в связи с большим размахом революционного движения во всем мире в многочисленных странах на повестку дня в невиданной ранее мере ставятся самые разнообразные революционно-демократические задачи.

3. Условия и сущность перерастания народно-демократической революции в социалистическую

Народные демократии в Европе возникли при исключительно благоприятных внешних условиях, которые продолжают оказывать влияние и на их дальнейшее развитие. Поражение фашистских держав во второй мировой войне вело к разрешению и упразднению наиболее острого противоречия предшествующего этапа во всемирном масштабе, противоречия между фашизмом и антифашизмом. Противоречие между фронтом империализма и фронтом антиимпериалистических сил, естественно, продолжает существовать и дальше. Но речь, конечно, идет не о регенерации этого противоречия на одинаковом уровне, как это было до второй мировой войны. Вторая мировая война своими непосредственными последствиями существенным образом изменила соотношение сил в мире в пользу социализма.

В результате победы народно-демократической революции эти страны включились в антиимпериалистический фронт. Внешнее противоречие каждой этой страны в отдельности с империалистическими державами продолжает, конечно, существовать, но в совершенно иной форме, чем в прошлом. Благодаря победе народно-демократической революции эти страны избавились от политической и экономической подчиненности и зависимости от империализма.

Нет никакого сомнения в том, что сохранение завоеванной самостоятельности было одной из первых предпосылок для дальнейшего

успешного развития революции в этих странах. Для защиты независимости от империализма здесь с самого начала их революционного развития существовали исключительно благоприятные внешние условия. Решающим фактором в этом направлении было существование Советского Союза, ставшего главной опорой народных демократий в мире. Благоприятные внешние условия не ограничиваются, однако, лишь тем, что европейские страны народной демократии были избавлены от опасности вооруженной интервенции со стороны империалистических держав, но они оказывают благоприятное влияние и на их дальнейшее внутреннее развитие. Взаимное сотрудничество стран лагеря социализма способствовало ускорению революционного решения внутренних классовых противоречий.

Освобождение центральной и юго-восточной Европы Советской Армией и создание новой, народно-демократической государственной власти в этих странах вели к новой внутренней расстановке и перегруппировке классовых сил. Если последовательное разрешение всех задач народно-демократической революции отвечало жизненным интересам рабочего класса и других слоев трудящихся, то позиция буржуазии, принимающей участие во власти, была совершенно иной. Эта так называемая «демократическая» буржуазия была действительно заинтересована лишь в изгнании оккупантов и только в этом единственном направлении она и могла быть союзником пролетариата. Но программы отдельных народно-демократических правительств шли дальше. Их требования, даже там, где они еще не направлялись непосредственно на ликвидацию буржуазного строя, были все же в своих последствиях направлены против буржуазии.

В условиях, которые создались в ряде стран Европы и Азии после освобождения от ига фашистского империализма, коммунистические партии нигде не стремились к подготовке какого бы то ни было вооруженного восстания против образовавшейся революционной власти. Ведь эта власть уже в значительной мере была в руках рабочего класса и остальных трудящихся. В таких условиях ориентация на дальнейшее развитие революции могла означать только и единственно ориентацию на дальнейшее развитие революции мирным путем. Если целью буржуазии был возврат к диктатуре буржуазии, то непосредственной стратегической целью рабочего класса было укрепление и расширение его политических позиций, завоевание диктатуры пролетариата.

Ориентации на завоевание диктатуры пролетариата в процессе развертывания революции народно-демократической в революцию социалистическую не соответствует постоянное направление главного натиска. В период, когда наиболее насущной задачей являлось осуществление требований национальной и демократической революции и главный натиск был направлен еще против коллаборационистской крупной буржуазии и помещиков, коммунистические партии проводили по отношению к так называемой «демократической» буржуазии политику нейтрализации. Но в дальнейшем ходе революции, когда задачи национальной и демократической революции хотя бы в основном были

разрешены, когда коллаборационистская крупная буржуазия и помещики политически и в значительной степени и экономически были разгромлены, в период, когда главным препятствием развития революции стала уже «национальная», «демократическая» буржуазия, направление главного натиска меняется. От политики нейтрализации этой буржуазии коммунистические партии переходят к ее изоляции.

Основным вопросом стратегического ведения классовой борьбы в процессе мирного развития революции был вопрос о союзниках рабочего класса. По сравнению с революцией 1917-ого года в России, вопрос о союзниках в процессе дальнейшего развития революции в странах народной демократии ставится несколько иначе. Для стратегического этапа с марта по октябрь 1917-ого года большевики выдвигали лозунг: за социалистический переворот вместе с полупролетарскими слоями населения, прежде всего с бедным крестьянством против буржуазии, при нейтрализации мелкой буржуазии города и деревни. В период перерастания революции в России в 1917-ом году союзником рабочего класса были таким образом и, прежде всего, главным образом полупролетарские слои населения, тогда как за привлечение слоев городской и деревенской мелкой буржуазии велась еще борьба, и по отношению к ним проводилась политика нейтрализации. Иная ситуация, однако, существовала в странах народной демократии. К движущим силам дальнейшего развития революции принадлежит не только рабочий класс и полупролетарские слои населения, но в большей или меньшей мере и масса городской и деревенской мелкой буржуазии. Чем объяснить такое различие? Быть может, тем, что образ мышления мелкобуржуазных слоев тогдашней России был принципиально иным, чем в странах народной демократии после второй мировой войны? Конечно, нет. В обоих случаях речь идет в сущности о тех же социальных группах, о таком же их колебании между пролетариатом и буржуазией, вытекающим из их социально-экономического положения. Различия в приведенных схемах классового союзничества пролетариата в период дальнейшего развития революции объясняется различием в формах, в которых в приведенных случаях осуществляется революция, и также конечно, различием исторической ситуации 1917-ого года по сравнению с ситуацией после второй мировой войны.

Буржуазно-демократическая революция в феврале 1917-ого года в России не переросла в революционно-демократическую диктатуру пролетариата. Ее непосредственным результатом явилось своеобразное переплетение двух рядом существующих диктатур — диктатуры буржуазии и диктатуры пролетариата и крестьянства. Это двоевластие привело, однако, к победе буржуазии, и в связи с этим первоначальная ориентация большевиков на мирное развитие революции должна была быть заменена ориентацией на свержение диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания. Таким образом, в России революционный пролетариат не в состоянии был перевести революцию из демократического этапа в социалистический с помощью каких-либо своих позиций в государственной власти. И именно в результате того, что революцион-

ный пролетариат России не имел возможности перед Октябрем осуществить в государственных позициях практические мероприятия в пользу мелкобуржуазных слоев, в особенности миллионных масс крестьянства, нельзя было тогда в принципе рассчитывать на активную поддержку этих мелкобуржуазных слоев в борьбе за социалистическую власть.³

Однако иная ситуация сложилась в странах народной демократии, где уже на этапе народно-демократической революции рабочий класс занимает определенные позиции в государственной власти (будь то решающие, или только частичные), и поэтому революция может развиваться не только «снизу», но одновременно и «сверху». В этих условиях рабочий класс смог еще до сосредоточения всей власти в своих руках добиться того, чтобы путем революционного вмешательства «сверху» были удовлетворены наиболее насущные экономические требования непролетарских трудящихся масс. Напомним хотя бы то, какую огромную роль в процессе привлечения рабочего крестьянства к политике коммунистических партий сыграла аграрная реформа.

Своим участием в центральных государственных органах коммунистические партии смогли наглядно объяснить трудящимся массам действительно народную суть своей политики и вскрывать контрреволюционную эксплуататорскую сущность политики ряда других «национальных», «социалистических», «демократических», «народных», «крестьянских» и других партий. Благодаря сравнению политики коммунистических партий с политикой других партий соответствующие слои мелкой буржуазии постепенно избавлялись от иллюзий о так называемой «демократической» буржуазии, отходили от нее и укрепляли союз с рабочим классом. В связи с этим непрерывно возрастал вес рабочего класса и его авангарда, укреплялась его руководящая роль в союзе с непролетарскими слоями трудящихся.⁴

Значительное влияние на то, что средние слои примкнули к рабочему классу, имел, бесспорно, Советский Союз, его всесторонняя помощь странам народной демократии и его огромный всемирный авторитет.

И наконец, еще одно замечание по поводу формы, в которой революция в народно-демократических странах осуществилась. Социальные группы, которые были тем полюсом противоречия, к отрицанию которого впоследствии приводит народно-демократическая революция, ставят препятствия на пути революционного развития. Речь, конечно, идет прежде всего о вооруженной машинерии оккупантов, удерживающих в данных странах старые порядки. Именно поэтому демократическая революция произошла в форме внезапного переворота.

Власть старых реакционных классов во всех этих странах преодолевается путем физического насилия. Ожесточенно защищаясь фашистская реакция в этих странах была уничтожена в процессе вооруженного классового сражения, путем вооруженного восстания прогрессивных классов и сил, объединенных в антифашистских национальных фронтах при решающей помощи со стороны Советской Армии. Зарождение

народной демократии, таким образом, не было мирным, а было насильственным.

Политический переворот, устраняющий старую и устанавливающий новую революционную народно-демократическую власть коренным образом изменил ситуацию. Он представляет собой большой революционный скачок, осуществленный в революционном развитии этих стран с конца второй мировой войны. С точки зрения формы этого революционного развития вплоть до установления диктатуры пролетариата этот переворот является явным поворотным пунктом. Однако фактическое осуществление задач народно-демократической революции в отдельных областях общественной жизни происходит, конечно, не сразу. Но вместе с тем, совершенно очевидно, что к их реализации народно-демократическая революция подходит уже в совершенно иных условиях, чем в каких произошел политический переворот. Принципиальный классовый антагонизм продолжает существовать и впредь, но задачи народно-демократической революции в этот период в большинстве этих стран решаются уже не путем вооруженного классового сражения с силами контрреволюции. Да этого и не требовалось, ибо эти силы уже не представляют собой такое препятствие, которое смогло бы задержать прогрессивное развитие. После политического переворота силы народа, равно как и общая международная ситуация таковы, что контрреволюционные силы не в состоянии развязать гражданскую войну и они вынуждены постепенно оставлять свои позиции в отдельных областях общественной жизни. Принципиальный классовый антагонизм, как видим, преодолевается путем революционного насилия, но против контрреволюционных классов не применяется прямое физическое насилие. В период после переворота в этих странах, таким образом, революция развивается вплоть до полной диктатуры пролетариата в целом без вооруженного классового столкновения, так называемым мирным и бескровным путем.

В большинстве стран (Чехословакия, Болгария, Польша, Венгрия, Румыния и т.д.) для периода после переворота вплоть до диктатуры пролетариата характерной является не форма внезапного и насильственного переворота, а форма постепенной и вместе с тем и мирной ликвидации элементов старых качеств (буржуазных и феодальных), форма постепенного развития и нарастания элементов диктатуры пролетариата.

Таким образом, полная диктатура пролетариата в этой группе стран народной демократии возникла в иной форме, чем в Советском Союзе. Если в Советском Союзе весь этот скачок произошел в форме внезапного и вместе с тем кровавого переворота, то в странах народной демократии этот революционный процесс начался также в этой форме, но завершился уже иначе, постепенной и мирной формой.

Только в меньшинстве стран народной демократии процесс перерастания народно-демократической революции в социалистическую революцию осуществляется в форме вооруженной классовой борьбы, кровавым путем, и, притом, или полностью, как например в Китае, или же только частично, как во Вьетнаме.

II. Характеристика национальной и демократической революции в Чехословакии

Политическая ориентация нашей коммунистической партии была в глобальном плане обусловлена основным противоречием между нацистскими оккупантами и их внутренними прислужниками из рядов чешской и словацкой крупной буржуазии, помещиков и бюрократии, и всеми остальными классами и слоями наших народов. Что касается остальных частей нашей буржуазии, коммунистическая партия исходила из объективного противоречия между их объективными требованиями и интересами и актуальными требованиями и интересами носителей реакционной общественно-политической власти в нашей стране, и стремились с помощью комбинированных форм сотрудничества, и вместе с тем значительного политического воздействия, вовлечь их в боевую формацию национального фронта.

Решить антагонизм между рабочим классом и этими группами буржуазии в момент освобождения нашей страны Советской Армией нельзя было еще и потому, что субъективные факторы революции недостаточно созрели. В особенности нужно было считаться с иллюзиями, которые многочисленные слои нашего народа питали по отношению к предствителям «сопротивленческой» буржуазии, ориентирующей на запад. Революционная ситуация к концу второй мировой войны и после освобождения требовала, чтобы революционная борьба велась по линии антиимпериалистических, антифашистских и демократических мер. Только такие задачи и лозунги были понятны широким народным массам и поэтому только такая линия отвечала тогдашней ситуации. Коммунистическая партия несомненно изолировалась бы от масс, если бы она в конце войны опрометчиво выдвинула лозунг социалистической революции.

Чехословацкое эмигрантское правительство в Лондоне, конечно, вовсе не стремилось к тому, чтобы после освобождения осуществились радикальные изменения существующего общественного строя. Его целью было возобновление Чехословакии как империалистического бюрократического государства, включенного в сферу влияния западных держав. Но даже эту цель нельзя было осуществить иначе, чем путем национально-освободительной борьбы против нацистских оккупантов. Поэтому борьба против них явилась естественной платформой кооперации КПЧ с этим правительством.

Концептуальные и стратегико-тактические различия между КПЧ и буржуазией, представляемой лондонским эмигрантским правительством, нашли свое отражение в борьбе этих политических сил за гегемонию в национально-освободительной борьбе. Было бы иллюзией считать, подобно тому как в свое время в России, в период 1905 и 1917 гг., что пролетариат в интересах победы революции должен оставить гегемонию за буржуазией. Многочисленные исторические данные доказывают, что если бы национальную борьбу вела буржуазия, то эта борьба свелась бы к пассивному сопротивлению, к разведывательной деятель-

ности, а в лучшем случае, к частным саботажам, но никогда не приобрела бы более широкого массового размаха и форму вооруженной партизанской борьбы. Однако именно такой широкий размах национально-освободительной борьбы мог стать существенным фактором не только ослабления немецкого тыла, но и неизбежным условием осуществления национальной и демократической революции.

В первый период национально-освободительной борьбы отношения между ее двумя основными политическими центрами — московским и лондонским — характеризуются значительной напряженностью. Это было вызвано тем, что в этот период, когда Советский Союз стоял еще в стороне от военного конфликта с фашистскими агрессорами, с которыми воевали только западные державы, чехословацкая буржуазная эмиграция присоединялась к идеологической кампании и к провокациям этих государств, направленным против Советского Союза и мирового пролетарского движения. Национальный фронт, формирующийся в это время стихийно «снизу», не имел еще единого руководства и был в значительной степени дезориентирован позицией лондонской эмиграции, ориентирующейся исключительно на западные державы и отвергающей все попытки КПЧ добиться единой общенациональной стратегии и тактики. Только позже, когда становится очевидным, что с Советским Союзом в деле упорядочения послевоенной ситуации необходимо будет со всей серьезностью считаться, и когда вместе с этим внутри страны изо дня на день возрастает сила и размах национально-освободительной борьбы, буржуазная эмиграция хотя бы формально отказывается от своих позиций, идет на уступки и вынуждена сблизиться с платформой КПЧ. Так, например, после гейдрихады она акцептирует требование руководства КПЧ — прервать все отношения с марионеточными правительствами в стране и обозначить «гоховщину» и «тисовщину» как государственную измену. После сталинградской битвы лондонская буржуазная эмиграция становится еще уступчивее. Бенеш едет в Москву, где он вынужден заключить с московским центром национально-освободительной борьбы договор, ставший основой будущей программы Национального фронта. Вместе с тем он заключает чехословацко-советский договор о взаимопомощи и сотрудничестве. Позже, на заседании чехословацкого государственного совета в Лондоне, он в своем воззвании к чехословацкому народу принимает даже коммунистическое требование развертывания всех форм борьбы против оккупантов, в том числе вооруженную партизанскую войну. Так постепенно формируется Национальный фронт и «сверху» при решающем влиянии КПЧ.

Развитие и, естественно, и конечные результаты национально-освободительной борьбы не были, однако, только делом поработенных народов, а зависели в конечном счете от хода и результатов второй мировой войны. Известным поворотным пунктом в развитии национально-освободительной борьбы было вступление СССР в войну. Большой размах национально-освободительной борьбы начинается позже в связи с основным поворотом военных событий в конце 1942-ого и начале 1943-его года. Советская Армия, без того, чтобы надеяться на военную

помощь западных держав, разгромила в грандиозной битве под Сталинградом сотысячные армии нацистской Германии и ее сателитов и начала свое победоносное наступление за освобождение своей Родины и европейских народов. И по мере ее приближения к границам оккупированных стран национально-освободительная борьба вступила в свою решающую фазу. Революционное развитие характеризуется исключительной стремительностью, и на повестку дня встает вопрос о политической власти. В результате размаха партизанского движения и проникновения Советской Армии в пространство вдоль Карпат и в Венгерскую низменность создались условия для того, чтобы и в нашей стране началась национальная и демократическая революция.

Этап, когда ряд элементов старого качества начинает в массовом масштабе превращаться в элементы нового качества, то есть этап, о котором можно говорить как о начале первого периода революции, начался в нашей стране 29-ого августа 1944-ого года, то есть в день начала словацкого национального восстания. На значительной части территории Словакии была тогда, хотя пока лишь временно, ликвидирована старая, реакционная буржуазная власть, а власть перешла руки антифашистского, национально-освободительного фронта, в котором были представлены все составные части внутреннего сопротивления во главе с коммунистами. Верховным органом новой государственной власти на освобожденной территории стал так называемый Словацкий национальный совет, который был создан по инициативе коммунистов и функционировал как руководящий орган национально-освободительной борьбы на территории Словакии еще до национального восстания (нелегальный словацкий национальный совет сформировался в сентябре 1943-его года). На местах и в районах функционировали политические органы народа, местные и районные национальные комитеты.

Словацкое национальное восстание, которым начался первый этап революции, было, в результате перевеса немецких вооруженных сил, вторгшихся в это время в Словакию и оккупировавших ее, подавлено. Но не надолго. По мере и параллельно с освобождением нашей страны Советской Армией побеждал и наш народ. В областях, где было свергнуто господство оккупантов, народ свергнул и власть внутренней фашистской реакции. Власть переходит в руки революционных национальных комитетов. 4-ого апреля 1945 года на освобожденной территории начало функционировать первое революционное правительство Национального фронта.

В целом, в масштабе всей страны, революционный политический переворот первого решающего классового столкновения пролетариата с буржуазией был завершен в мае 1945-ого года, когда победило вооруженное восстание народа в столице страны — Праге.

В соответствии с Кошицкой программой — «новое правительство является правительством широкого национального фронта чехов и словаков и оно состоит из представителей всех социальных и политических направлений, которые внутри страны и за границей вели нацио-

нально-освободительную борьбу за свержение немецкой и фашистской тирании». ⁵

Речь, таким образом, шла не о возобновлении буржуазной республики и сохранении диктатуры буржуазии. Вместе с тем, национальная и демократическая революция на первом этапе не могла сразу же лишить всю буржуазию политической власти и утвердить диктатуру пролетариата. Задачей национальной и демократической революции в политической области было создание такой власти, в которой вместе с рабочим классом принимали бы участие и остальные трудящиеся и часть буржуазии, но в которой рабочий класс держал бы решающие позиции в своих руках и являлся ее руководящей силой. Именно такая власть и сформировалась в результате национальной и демократической революции. Коллаборационистская крупная буржуазия не только была отстранена от участия в государственной власти, но против нее была направлена функция подавления со стороны народно-демократического государства.

Несмотря на то, что КПЧ была с самого начала решающей силой и руководящей партией правительства, она осуществляла государственное руководство в сотрудничестве с другими партиями. Наряду с КПЧ и КПС в национальный фронт входили следующие партии: социал-демократическая, национально-социалистическая, народная и, так называемая, демократическая партия Словакии. КПЧ и КПС ⁶ были политическими партиями рабочего класса. Социально-демократическая партия была партией рабочих и мелкой буржуазии, в которой до бриенского съезда руководящую роль играл рабочий класс. После бриенского съезда агентам буржуазии удалось отодвинуть руководящую роль рабочего класса несколько на задний план, но им не удалось овладеть партией, и за руководство в этой партии велась борьба. Народная партия, национально-социалистическая и демократическая партия Словакии явились политическими партиями мелкой буржуазии и буржуазии, становились все в большей мере глашатаями реакции.

Поэтому нельзя сравнивать, например, соучастие левых эсеров в руководстве государства после Октябрьской революции с участием политических партий в руководстве Чехословакии до февраля 1948-ого года. Дело в том, что левые эсеры находились в незначительном меньшинстве и поэтому не могли оказывать фактическое влияние на политику Советского государства. Их участие в руководстве государством было чисто формальным. В ЧСР сложилась, однако, другая ситуация. КПЧ не имела тогда еще абсолютного большинства и в верховных органах государственной власти и управления она находилась в меньшинстве. Борьба за изоляцию «демократической» буржуазии и за привлечение большинства народа к политике КПЧ была только в разгаре и не была еще решена. Поэтому в нашей стране остальные классы не принимали лишь формальное участие в государственной власти, а принимали участие фактическое. Таким образом революционная власть, установленная национальной и демократической революцией во многом отличается от революционной власти, установленной Октябрьской револю-

цией в СССР. Собственной причиной соучастия большого числа классов во власти у нас является временная неспособность главных классов нашего общества — рабочего класса и буржуазии, представляемой своим «демократическим крылом» — обойтись один без другого. Причиной того, почему это своеобразное двоевластие осуществляется в одной государственной форме, является неизбежная политика Национального фронта и неспособность буржуазии развязать в стране гражданскую войну.

После возникновения новой революционной власти кровно заинтересованным в дальнейшем разворачивании революции является только рабочий класс и вместе с ним и остальные слои трудящихся, но уже не «демократическая» буржуазия, принимающая участие в государственной власти. Ее представители вступали в революционное народно-демократическое правительство уже как контрреволюционные деятели, хотя и тщательно и изощренно замаскированные. Эта так называемая «демократическая» буржуазия была заинтересована только в изгнании оккупантов и только в этом смысле она могла стать союзником пролетариата. Дело в том, что в наших конкретных исторических условиях реализация Кошицкой правительственной программы — хотя в тексте этой программы об этом не говорится — означала существенное нарушение буржуазного строя, далеко идущий подрыв его структуры. Довод, по которому представители этих буржуазных группировок все же согласились с Кошицкой программой, вполне ясен. Им попросту ничего другого не оставалось. В обостренной революционной ситуации в конце второй мировой войны у них не было иной возможности скрыть свое антинародное лицо от трудящегося народа, чем стать на позиции национальной и демократической революции. Никто, кто стремился завоевать доверие народа, не имел и не мог иметь иного выбора. Этим мы, конечно, отнюдь не хотим сказать, что частичный доступ некоторых группировок так называемой «демократической» буржуазии к власти вытекал из ошибочной и недальновидной политики коммунистической партии. Наоборот, ее политика была совершенно правильной. Причины здесь другие. Решающим фактором здесь было то, что та часть буржуазии, которая в период нацистского порабощения примкнула к национально-освободительной борьбе и которая искусно маскировалась национально-освободительными, демократическими, а отчасти и социалистическими фразами, пользовалась до сих пор доверием определенных групп народа — главным образом мелкой буржуазии.

Как ориентировалась КПЧ в этой ситуации? В результате поражения фашистских оккупантов и установления новой народно-демократической государственной власти было устранено основное препятствие, стоящее до сих пор на пути прогрессивного развития нашего общества. После поражения оккупантов этим основным препятствием стало именно соучастие «демократической» буржуазии в государственной власти, ибо эта буржуазия, как уже отмечалось, была в своей сущности контрреволюционной силой. Обеспечить бесперебойное развитие революции в направлении социализма без преодоления этого препятствия было

невозможно. Исходя из этого положения, КПЧ выдвигает новую, непосредственно стратегическую цель: лишить контрреволюционную буржуазию соучастия в государственной власти и обеспечить переход всей власти в руки рабочего класса. Благодаря тому, что пролетариат держал уже в своих руках целый ряд важнейших политических позиций и что классовая борьба проходила в благоприятных международных условиях, партия ориентируется на дальнейшее развитие путем мирного развития.

Скрыть политических представителей «демократической» буржуазии, изолировать их и воспрепятствовать тому, чтобы они расширили свои политические позиции, и вместе с тем привлечь решающее большинство трудящихся⁷ на сторону революционного рабочего класса — такова была основная задача стратегического ведения классовой борьбы на этом новом этапе. И эта задача была успешно реализована.

В этой борьбе, продолжавшейся с национализацией и выборов в 1946-ом году вплоть до осени 1947-ого года, рабочий класс значительно укрепил и расширил свои позиции. Несмотря на то, что в 1947-ом году на бриенском съезде агенты буржуазии взяли в свои руки важнейшие позиции в руководстве социалдемократической партии, и несмотря на то, что число представителей буржуазии в верховных органах государственного управления и в органах государственной власти осталось в целом неизменным (после бриенского съезда позиции буржуазии в этих органах даже еще несколько укрепились), буржуазии все же не удалось воспрепятствовать тому, чтобы против нее во все большей степени не обращалась репрессивная функция народной власти.

Буржуазии, правда, в известной степени удавалось отодвигать осуществление некоторых мер, вытекающих из дальнейшего развития, но в целом не надолго. Под давлением революции «снизу» она вынуждена была шаг за шагом соглашаться с проведением мер, которые собственно представляли собой удар по буржуазии как классу. Одним из таких мероприятий было налогообложение миллионеров. Это мероприятие было направлено не только против коллаборационистской буржуазии, но и против всех капиталистов с миллионным имуществом. Ликвидация беспорядков в области текстильной продукции и торговли была направлена против всех крупных текстильных коммерсантов без исключения. И наконец, в начале 1948-ого года (еще до февральского путча реакции) профсоюзы выдвигают требование дальнейшей национализации, призванной экспроприировать все заводы, имеющие свыше 50 работников, и некоторые отрасли полностью. Буржуазия, сознавая, что ее политические позиции весьма непрочны, чтобы воспрепятствовать проведению этих мер, ускорила свои планы по реализации контрреволюционного путча.

Внешние функции нашего народно-демократического государства также постепенно изменяются. В связи с перегруппировкой сил в международном лагере и в результате соотношения сил, изменяющегося в пользу рабочего класса, государство народной демократии все более тесно примыкает к Советскому Союзу и к остальным народно-

демократическим странам, и оказывается, таким образом, в резком противоречии с западными империалистическими государствами. Перевес социалистических элементов во внешних функциях государства проявился, помимо прочего, и в отказе от плана Маршалла в момент, когда наша страна сильно пострадала в результате засухи, то есть в момент, который был чрезвычайно благоприятным для реакции.

Следовательно ясно, что в период с мая 1945-ого года до февраля 1948-ого года в нашем государстве осуществлялись важнейшие изменения. В этих условиях фактического усиления политической власти рабочего класса совершились февральские события 1948-ого года, когда была разгромлена попытка буржуазии осуществить контрреволюционный переворот.

Попытаемся теперь ответить на вопрос — какой характер носят изменения в области политической власти, происшедшие в феврале? Главное, чем отличается государственная власть до Февраля от государственной власти после Февраля состоит в том, что до Февраля буржуазия еще принимала участие в государственной власти, тогда как после Февраля ее устранили от государственной власти. Февральская победа трудящихся ликвидировала все последние препятствия в политической сфере, которые буржуазия тогда еще была способна ставить на пути дальнейшего поступательного развития нашей народной демократии.

Это, конечно, не означает, что социалистической революцией в области политической является только Февральская победа сама по себе. Подобно тому как в остальных народно-демократических странах, социалистические элементы начали и в нашей стране развиваться уже в ходе национальной и демократической революции. С самого начала здесь существуют непрерывно усиливающиеся социалистические элементы, которые осуществляют окончательный перевес над буржуазией именно с Февраля 1948-ого года. Следовательно, социалистическую революцию в политическом смысле нельзя сводить лишь к одному февралю. Социалистической революцией в политической сфере является весь процесс ее революционного преобразования, начиная с освобождения нашей страны и кончая февралем 1948-ого года. В нашей стране, подобно тому, как и в остальных странах народной демократии, в отличие от России власть перешла из рук буржуазии в руки пролетариата не сразу, а постепенно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Революционизирующее значение победоносного наступления и освобождения миссии Советской Армии сыграли значительную роль и в тех странах, на территорию которых эта армия даже не вошла. Об этом свидетельствует не только опыт Албании, но и ситуация в других европейских странах. В целом ряде из них, как например, во Франции, Италии, Греции и др., где военные успехи Советского Союза способствовали созданию аналогичных условий для победы революции как в странах народной демократии, революционное развитие было приостановлено в результате самых различных форм интервенции со стороны западных держав.

² Если мы здесь говорим о диктатуре народа как о революционной власти, способной обеспечивать последовательное решение революционных задач демократической революции, то этим мы еще не говорим, что эта власть действительно все задачи демократической революции должна разрешить до конца. Одно дело — это способность действовать в определенном направлении, а другое дело — довести решение до конца. Демократические задачи всесторонне и полностью можно решить лишь на этапе социалистической революции в условиях диктатуры пролетариата.

³ Если бы двоевластие в России не завершилось в пользу буржуазии, а в пользу Советов, выступающих как органы революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, то тогда бы даже в России в период перерастания революции не была бы необходима нейтрализация средних слоев.

«Советы, по своему классовому составу были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, и сжился бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий... Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелкобуржуазности крестьянства. Но он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими».

(В. И. ЛЕНИН, т. 34, стр. 11–12, 5-ое изд.)

⁴ «Этап с мая 1945 до февраля 1948 гг., — говорил К. Готвальд, — был крайне неизбежен; через этот этап мы должны были пройти, чтобы победить в феврале. Прежде всего необходимо было, чтобы массы на собственном опыте познакомились с нашей реакцией... Народ знал, кто был Беран, Прайсс, кто были все те, кто в свое время господствовал в республике, он знал, с какими господами имеет дело. Но народ не знал еще, кто такой Зенкел, Шрабек, Леттрих... Необходимо было пройти через этот этап, чтобы массы на собственном опыте узнали, кто такой не только Беран, Гайда, Стржибны и Прайсс, но и Зенкел, Шрабек и Леттрих».

(К. ГОТВАЛЬД, 1946–1948 гг., том 2, Прага 1949, на чешском языке, стр. 135.)

⁵ Кошницкая правительственная программа, часть I; далее К. ГОТВАЛЬД «Десять лет, Прага 1949 г., на чешском языке, стр. 382.

⁶ КПЧ и КПС, имея единое политическое и идейное руководство, до 1949-ого года существовали в организационном плане обособленно.

⁷ Сферой борьбы за привлечение большинства народа на сторону политики КПЧ стала деревня. На июньском пленуме ЦК КПЧ в 1947-ом года подчеркивалось: «Деревня представляет собой главный участок нашей борьбы за большинство народа. Большая часть рабочего класса идет с нами. Привлечь большинство народа на нашу сторону означает привлечь еще больше крестьян, означает привлечь на нашу сторону середняков».

(К. ГОТВАЛЬД, 1946–1948 гг., том I, Прага 1949, на чешском языке, стр. 185–186.)